Сергей Серопян*

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» КАК ЛИТУРГИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ

Мы не ставим целью продолжить в этой работе ряд жанровых дефиниций. В.Н. Захаров писал, что роман Достоевского «по своему жанру шире любого из определений»[1], но А.Г. Гачева, рассматривая преобразовательное действие «литургической эпопеи» по Н.А. Сетницкому, доказательно выводит, что в этом действии меняется «сама сущность сюжетного конфликта: исчезает извечное противоречие героя и среды, не имевшее иного разрешения, кроме гордынного индивидуализма или рабства обстоятельствам, и его место заступает сознательное, творческое, соборное взаимодействие "я" и "других" — в «работе спасения», жизни «со всеми и для всех»[2]. Т.А. Касаткина видит литургический возглас во фразе «Простить хотелось ему всех и за все и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все и за вся»[3] — это об Алеше Карамазове. Е.А. Осокина очень тонко увязывает структуру романа «Братья Карамазовы» со смысловой значительностью формы богослужебного канона[4]. Тема развивалась и в работе Е.В. Ковиной — речь идет об анализе, который позволяет «вскрыть особую смысловую перспективу хронотопа романа <...> и рассмотреть его роль в по-

Сергей (Аветис) Сергеевич Серопян — преподаватель кафедры философии и религиоведения Шуйского государственного педагогического ун-та. Окончил филологический факультет Ереванского гос. ун-та, Томскую духовную Семинарию. В настоящее время учится в Московской Духовной Академии.

строении сюжета и в формировании общей концепции произведения»[5].

Но все это писалось о романе «Братья Карамазовы».

В черновиках романа «Преступление и наказание» Достоевский рассматривал сцену видимого явления Христа. Когда мы говорим о реальности присутствия, понятие «реальный» очевидно содержит в себе возможность присутствия иного рода, которое поэтому является не реальным. Это иное присутствие в богословии и научной мысли принято обозначать словом символический. Мы не можем здесь углубляться в очень сложную и во многих отношениях запутанную историю этого понятия в западной мысли — о том подробно писал в работе «Таинство и символ» протоиерей А. Шмеман. Но св. отцы Церкви не только не знают этого различения и противопоставления, но для них символизм неотъемлем от таинства и служит единственным ключом к его пониманию. Преп. Максим Исповедник, выдающийся представитель святоотеческого богословия таинств, называет Тело и Кровь Христа на Евхаристии символами, образами и тайнами («mysteria»)[6]. «Символическое» здесь не только не противопоставляется «реальному», но предполагает его как свое непосредственное выражение и способ проявления. ...

К.А. Степанян пишет о том, что явление Христа, несущего Благую Весть, и диалог о ней определяют онтологию художественного мира Достоевского, его антропологию, временные и пространственные характеристики, поэтику, композицию, сюжет — то есть проявляются на всех уровнях его произведений[7]. Включая, несомненно, и «Преступление и наказание».

Обнаруживается это проявление, на наш взгляд, через смысловое поле слова — при этом в форме богослужения, которая, по точному выражению Е.А. Осокиной, Достоевским «избрана была — узнана и воплощена»[8]. В свою очередь Т.А. Касаткина, говоря об онтологичности слова Достоевского, совершенно основательно утверждает, что «смысловое поле слова выявляется совокупностью контекстов, соответствующий способ чтения создает пространство сплошной верифицируемости»[9]. Потому что тронешь в одном месте — отзывается везде. Тронешь в «Преступлении и наказании» — отзывается в «Братьях Карамазовых».

Итак, ближе к тексту. «Опять пыль, кирпич и известка, опять вонь из лавочек и распивочных, опять поминутно пьяные, чухон-

цы-разносчики и полуразвалившиеся извозчики» (6; 74). Кабаки, пьяные, пыльная дорога — все это в романе всегда рядом. Раскольников вспоминает такую дорогу, которая «огибает вправо городское кладбище. Среди кладбища каменная церковь с зеленым куполом, в которую он раза два в год ходил с отцом и с матерью к обедне, когда служились панихиды по его бабушке, умершей уже давно, и которую он никогда не видал. При этом всегда они брали с собою кутью <...> из рису и изюму, вдавленного в рис крестом. Он любил эту церковь и старинные в ней образа <...> и старого священника с дрожащею головой. Подле бабушкиной могилы, на которой была плита, была и маленькая могилка его меньшого брата, умершего шести месяцев и которого он тоже совсем не знал и не мог помнить; но ему сказали, что у него был маленький брат, и он каждый раз, как посещал кладбище, религиозно и почтительно крестился над могилкой, кланялся ей и целовал ее» (6; 46).

Начнем с каменной церкви. Справедливо заметила на семинаре для учителей накануне XXIII Старорусских чтений Т.А. Касаткина, что надо различать кирпич — и камень. Кирпич в Библии связан с рабством и пленом Евреев в Египте, с построением Вавилонской башни. Быт. 11: 3: «И сказали друг другу (потомки Ноя. — *С.С.*): наделаем кирпичей и обожжем огнем; и стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню высотою до небес». Исх 1: 14: «И делали (египтяне. — *С.С.*) жизнь их горькою от тяжкой работы над глиною и кирпичами». Кирпичные дома нередко встречались в Палестине вместо каменных (Ис. 9: 10). И пророк Исаия соболезнует о том, что даже иногда жертвенники устраивались евреями из кирпичей вместо тесаных камней (65: 3). В сырую погоду от них делается грязь на улицах, а в жаркую — густая пыль, вследствие того, что они скоро трескаются. Стены домов, сделанные из высушенного на солнце кирпича, были далеко не безопасны. Их можно было скоро и без шума разобрать, и таким образом легко мог проникнуть вор и убийца (Мф. 6: 19). В один из таких домов проник вор и убийца Родион Раскольников.

Лучшие же из зданий у евреев складывались из вытесанных и квадратных больших камней. Пророк Амос так говорит проводящим свою жизнь в роскоши Израильтянам: вы построите дома из тесаных камней, но жить не будете в них (Ам. 5: 11). Когда Соломон готовился приступить к построению храма, он повелел при-

возить камни большие, камни дорогие, для основания дома камни обделанные (3-я Цар. 5: 17). Из камней — храмы. Но в храме Раскольникова мы не видим. В том числе на праздничной службе Казанской (на день празднования Казанской иконы Божьей Матери приходится, по подсчетам Б.Н. Тихомирова, второй день действия романа), с того же детства ему знакомой[10]. Поскольку он не ходит в лучшие дома из больших вытесанных камней, он ходит в кирпичные. «В последнее время его даже тянуло шляться по всем этим местам, когда тошно становилось, "чтоб еще тошней было"» (6; 122). «Поскорее возвращался в город, смешивался с толпой, входил в трактиры, в распивочные, шел на Толкучий, на Сенную. Здесь было уж как будто бы легче и даже уединеннее» (6; 337). Месяца за полтора, т.е. в конце мая (не на праздник ли святого Исаакия 30 мая?) в трактире он подслушивает разговор студента с офицером, на Казанскую в трактире же слушает исповедь Мармеладова. Мудрено ли, что уже в начале шестой главы первой части читаем: «Раскольников в последнее время стал суеверен. Следы суеверия оставались в нем еще долго спустя, почти неизгладимо. И во всем этом деле он всегда потом наклонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений» (6; 52). На Исаакиевский собор указывает следующая сцена. После того, как он заваливает камнем награбленные вещи, на Николаевском мосту его бьет кнутом извозчик, под коляску которого он чуть не попал; «удар кнута <...> разозлил его...». Ему подают милостыню купчиха с дочкой. Подаче целого двугривенного Христа ради он, наверно, обязан был удару кнута, который разжалобил подавших. Он увидел купол собора, «который <...> так и сиял, и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже каждое его украшение» (6; 89—90). Лучший дом из камня, с украшениями. Раскольников швыряет монетку в воду. И далее очень важная фраза: «Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту» (6; 90). От общего дела (литургия — «общее дело» по-гречески), от всех и от вся. От соборности. Сравним с высказыванием Лужина: «Одним словом, мы безвозвратно отрезали себя от прошедшего, а это, по-моему, уж дело-с» (6.115). Разумихин: «Хотел только узнать теперь, кто вы такой, потому что, видите ли, к общему-то делу в последнее время прицепилось столько разных промышленников, и до того исказили они все, к чему ни прикос-

нулись, в свой интерес, что решительно все дело испакостили» (6; 116). Дело Лужина против общего дела, чья возьмет?

«Узнай же, милый друг мой, что, может быть, очень скоро мы сойдемся все вместе опять и обнимемся все трое после почти трехлетней разлуки!» (6; 34) — читает Раскольников в письме матери. Мать думает, что все, что ее Родя делает, — все прекрасно. Он же: «Я только не захотел проходить мимо голодной матери, зажимая в кармане свой рубль, в ожидании "всеобщего счастия". "Несу, дескать, кирпичик на всеобщее счастие и оттого ощущаю спокойствие сердца". Ха-ха! Зачем же вы меня-то пропустили? Я ведь всего однажды живу, я ведь тоже хочу... Эх, эстетическая я вошь, и больше ничего» (6; 211).

«А главное, вы здесь все вместе и один другому нужны, уж как нужны, — поймите меня» (6; 237), — ораторствует Разумихин. «Пойдем вместе... Я пришел к тебе. Мы вместе прокляты, вместе и пойдем!.. Ты могла бы жить духом и разумом, а кончишь на Сенной... Но ты выдержать не можешь, и если останешься одна, сойдешь с ума, как и я (Раскольников свидетельствует свое помешательство: не рассудок, так бес — *С.С.*). Ты уж и теперь как помешанная; стало быть, нам вместе идти, по одной дороге! Пойдем!.. Вместе ведь страдать пойдем, вместе и крест понесем!..» (6; 252).

Всеобщее счастие, которое строится из кирпичиков, и причастие в литургии — «общем деле», которое строится — на чем? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно проследовать за героем по всем его мытарствам, т.е. преткновениям.

Что делает отрезавший себя от всех и от вся Раскольников? Он бросает поданную ему девочкой милостыню в воду. Тем самым отвергая Христа. Когда фарисеи задавали коварный вопрос: позволительно ли давать подать кесарю или нет, они никак не ожидали того ответа, который дал им Христос. Он не дал Себя втянуть в провокационную беседу, а просто перевел ее на другой уровень. Господь им отвечает: что вы Меня искушаете? Покажите Мне монету. Чье это изображение и надпись? — Кесаревы. Тогда говорит им: Итак, отдавайте кесарю кесарево, а божие — Богу. В ответе Иисуса Христа изображение и надпись упоминаются как символ — как символ власти кесаря. Изображение и надпись кесаревы на деньгах есть символ его политической власти и могущества, символ его государственной власти, почему и надо пла-

тить ему подать. Это символ, а не просто изображение. Раскольников отвергает оба символа. Что касается кесаря, то «полезет ли, дескать, Наполеон под кровать к старушонке» (6; 211), что касается Христа, то от детской религиозности и почтительности не осталось следа. Кроме отчества. Для начала он заложил кольцо с камушками и серебряные отцовские часы: «Старые отцовские серебряные часы и маленькое золотое колечко с тремя какими-то красными камушками, подаренное ему при прощании сестрой, на память» (6; 33). О часах точно замечает Т.А. Касаткина: «прежде чем совершить убийство, герой должен расстаться с часами <...> часы — знак ответственности за мир»[11]. Мне кажется весьма важным сочетание: часы и кольцо. Часы и кольцо — миротворный пасхальный круг. Герой расстается с миротворным кругом, он выходит за его пределы, как Каин. Каин поднял руку на течение жизни, убив Авеля, и тем самым впервые в истории попытался изменить данную меру времени — время жизни. Во внешнем мире не было причины его поступку, например, угрозы жизни, и лишь внутренняя мотивация, гордыня и обида привели к тому, что сохранило нарицательный характер поступка Каина — «окаянный». Герой расстался с отцовским временем, как иконой вечности — еще одна икона, которой он пренебрег. Раскольников берет на себя право устроить мир, нарушив миротворный круг, сам выйдя из него и вычеркнув из него двух людей. Это не физическое время, претендующее на абсолют, появилось с человеком, а время как мера жизни, в соответствии с которой человек проживал отпущенную ему жизнь. А если она укорачивалась, то только плотски: "И сказал Господь [Бог]: не вечно Духу моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет" (Быт. 6: 3). Таким образом, четко сказано, что пренебрежение Духом и душою сокращает дни человека, а значит, вся полнота дней определяется состоянием души, о которой судят по внешним проявлениям, по плоти. Каин получил от Бога примету, предохраняющую его от мщения за содеянное. Не отсюда ли берет начало русская пословица: Бог шельму метит? «А Ресслих эта шельма, я вам скажу» (6; 368). «А шельма, однако ж, этот Раскольников!» (6; 390). Обе фразы произносит не кто иной, как двойник — шельмец Свидригайлов. Сравним каморку Раскольникова и номер Свидригайлова: «Раскольников вошел в свою каморку и стал посреди ее. "Для чего он воротился сюда?" Он оглядел эти

желтоватые, обшарканные обои, эту пыль, свою кушетку... Со двора доносился какой-то резкий, беспрерывный стук; что-то где-то как будто вколачивали, гвоздь какой-нибудь...» (6; 326). У Свидригайлова: «Стены имели вид как бы сколоченных из досок с обшарканными обоями, до того уже пыльными и изодранными, что цвет их (желтый) угадать еще можно было, но рисунка уже нельзя было распознать никакого» (6; 388). Раскольникову нужно, чтобы ему тошней было, Свидригайлов же: «Видите, в каком трактиришке все время просиживаю, и это мне всласть, то есть не то чтобы всласть, а так, надо же где-нибудь сесть» (6; 358)... И далее: «Ну посидите, я не буду болтать вздору, о себе то есть. Я вам что-нибудь расскажу... Можно рассказывать? Да и время убьем» (6; 363). Застолье — чтобы убить время, чтобы убить течение жизни. Раскольников убивает двух женщин и хочет убить Свидригайлова (и не только его), а Свидригайлов убивает себя.

Итак, часы заложены. Надо сесть. Не к престолу, так к столу. Не к трапезе, так к закуске. Но за столом Раскольников прежде оказывается вместе с Мармеладовым и вот в какой обстановке.

«На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц...» (6; 10). Что же следом? «Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком <...> несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной» (6; 10—11). И здесь он слышит исповедь. Мармеладов в романе произносит две исповеди. Первая, в распивочной, — неканоническая. Но в этой исповеди звучит примечательная фраза: «Сим покиванием глав не смущаюсь, ибо уже всем все известно и все тайное становится явным; и не с презрением, а со смирением к сему отношусь. Пусть! пусть! “Се человек!”» (6; 14). Возникает вроде бы аллюзия на слова Пилата, но Пилат здесь ни при чем. Приведу цитату из сочинения свт. Тихона Задонского «Наставление или образец увещателям, како увещавати и преклоняти подсудимых к раскаянию и признанию»: «И на суд Его вси соберемся, праведные и грешные. С праведными явятся добрыя дела: с грешными явятся злыя дела, которыя они явно и тайно делали. Тогда всяк грешник увидит пред собою положенное все тое, что он ныне худое делал, мыслил и говорил, и тем закон Божий разорял. Тогда он со стыдом услышит пред всем миром: се человек, и дела его!». Связь совершенно очевидна[12]. Очевидна и параллель состояний Раскольникова и Мармеладова.

«Любите вы уличное пение? — обратился вдруг Раскольников к одному, уже немолодому, прохожему, стоявшему рядом с ним у шарманки и имевшему вид фланера. Тот дико посмотрел и удивился. — Я люблю, — продолжал Раскольников, но с таким видом, как будто вовсе не об уличном пении говорил, — я люблю, как поют под шарманку в холодный, темный и сырой осенний вечер, непременно в сырой, когда у всех прохожих бледнозеленые и больные лица; или, еще лучше, когда снег мокрый падает, совсем прямо, без ветру, знаете? а сквозь него фонари с газом блистают...» (6; 121). Это — лирика. А исповедь Мармеладова — драма. Но оба высказывания диалогичны, и смысл диалога в том, чтобы собеседник услышал, как говорящий это чувствует — это как попеременное антифонное пение.

Вторая исповедь Мармеладова — на смертном одре, раздавленного лошадью, — как положено. Совершается таинство. Совершается и второе таинство — Причастие. Одна фраза — «Исповедь и причащение кончились» (8; 143). Здесь важно не просто понимание Таинства, а само мистическое действие, само обожение, совершающееся в этом Таинстве. Перед причащением читается молитва Иоанна Златоуста, который говорит, что верующие, причащаясь Святого Хлеба, соединяются друг с другом и со Христом, ибо это причащение есть нечто более сильное, чем обычная связь. «Как то Тело соединяется Христу, так и мы с Ним через этот Хлеб соединяемся. — Почему я говорю приобщение, κοινωνία? Потому, что мы есмы то самое Тело. Что есть Хлеб? Тело Христово. Чем же становятся причащающиеся? Телом Христовым. И не многие тела, но одно Тело»[13]. И далее он объясняет это на примере многих зерен пшеницы, ставших одним хлебом. Раскольников осознал, он с детства это знал, что рядом был Христос, и это было могучим ощущением. Ему, непокаявшемуся, показалось, что объявляют прощение. Он мог слышать слова священника у одра умирающего, когда «по утешении приобщает иерей больнаго Тела и Крове Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, глаголя сии слова: “Вот тебе милосердый и человеколюбивый Христос Бог наш Тело и Кровь Свою преподает в знак Своея к тебе милости и любви, в напутие живота вечнаго: приими предражайший сей вечнаго живота залог с духовною радостию и любовию, и благодари так великаго Милостивца, и, сими святыми Тайнами укреплен, буди благонадежен. Благодать Господа наше-

го Иисуса Христа да будет с тобою, вразумляющая, укрепляющая, ограждающая, наставляющая в тихое вечнаго живота пристанище, и ангел Божий, верный твой хранитель, аминь"»[14]. По этому определению святителя Тихона выходит, что Мармеладов — благонадежен. Поэтому после исповеди и причастия Мармеладова — «Раскольников сходил тихо, не торопясь, весь в лихорадке и, не сознавая, того, полный одного, нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущение могло походить на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение» (6; 146). А за секунду до этого Раскольников сталкивается с квартальным надзирателем Никодимом Фомичом, который замечает при свете фонаря несколько свежих пятен крови на его одежде, и отвечает ему: «Да, замочился... я весь в крови!» (6; 145).

Ощущение приговоренного к смертной казни... В этой связи еще один фрагмент из Тихона Задонского, из 1-го слова к воронежской пастве: «За любовь убо Его к нам любовь воздадим, за благодеяние благодарность покажем таким образом. Ежели бы ты (всякому здесь говорю) за какое преступление в такую попался беду, что уже следовала тебе по законам и по определению монаршему смертная казнь, — а сыскался б такой добрый человек, который тебе от так великой беды, как ходатайства своего употребляя, так и сам всякия страдания и безчестия за тебе приемля, избавил, и таким бы образом привел тебе он в монаршую милость и первое достоинство: что бы ты такому своему благодетелю делал? Непременно бы возлюбил его так, что и имени его никогда бы не выпустил из памяти, всегда бы ты о нем с радостными и благодарными слезами всякому хвалился и прославлял имя его до смерти; да притом и все, что бы он тебе ни приказал делать, с охотою и любовию исполнить тщался, и всяким бы образом ему угождать старался.

Делай же то и Христу Сыну Божию, великому твоему Благодетелю. Возлюби Его всем сердцем твоим: не выпускай никогда благодеяния Его из памяти твоей, воспоминай всегда имя Его пресвятое с благодарными слезами, хвалися неизреченным Его милосердием и любовию, прославляй имя Его сладчайшее пред всеми».

Но перемена в душе Раскольникова не происходит еще долго. Даже на каторге: «И хотя бы судьба послала ему раскаяние — жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое рас-

каяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы — ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своем преступлении» (6; 417). Нужда же в молитвах постоянна и возникает как раз после упомянутого схождения Раскольникова по лестнице. Придя к Соне, он спрашивает ее о молитве к Богу, о том, что Он ей за это делает, и после ее ответа: «все делает!», размышляет: «Вот и исход! Вот и объяснение исхода!» — решил он про себя, с жадным любопытством рассматривая ее» (6; 248). И здесь Раскольников просит прочесть Евангелие — просит на четвертый день после смерти Мармеладова. Имя Мармеладова — Семен-Симеон — адресует к сцене Сретения Христа, в которой Симеон-Богоприимец произносит: «Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле» (Лук. 2: 34). Или иначе: Господь лежит на падение зла, гнездящегося в душах людей, и на восстание добра; падает блуд, восстает целомудрие. После чтения о воскрешении Лазаря Раскольников отстоял всю службу о поминовении Катерины Ивановны. Вот здесь ответ на вопрос: на чем строится счастье в общем деле — литургии. На камне. В 3-й песне канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу поется: «Несть свят, якоже Ты, Господи Боже Мой, вознесый рог верных твоих, Блаже, и утвердивый нас на камени исповедании Твоего». Камень исповедания — это камень покаяния. Именно об этом слова Христа в Евангелии от Мф.16: «Ты — Христос, Сын Бога живого. <...> блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и не кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». То есть: это исповедание, которое ты исповедал, будет основанием верующих, так что каждый, кто намеревается строить здание веры, положит в основание это исповедание. Каждый из верующих есть церковь, являясь домом Божиим. Если мы твердо стоим на исповедании Христа, то врата адовы, то есть грехи, не одолеют нас. Будучи возведен от этих врат, автор 50-го покаянного псалма царь Давид в другом — девятом — псалме сказал: возводящий Меня от врат смерти. От каких врат? От двояких: от убийства и прелюбодеяния.

Раскольников прекрасно это понимает, почему и говорит Соне: «Разве ты не то же сделала? Ты тоже переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... *свою* (это все равно!). Ты могла бы жить духом и разумом, а кончишь на

Сенной» (6; 252). Соня как блудница отрешена от церковного общения, от Причастия, и это самое страшное, что есть в ее жизни. Она не только с Раскольниковым, она с Лужиным сходна: ее наряд, разукрашенный «с ярко и позорно выдающейся целью» (6; 143) и Лужин в новейшем платье, в котором «все было хорошо, кроме разве того только, что все было слишком новое и слишком обличало известную цель» (6; 113). Они сталкиваются…

В процитированной 16 главе Евангелия от Матфея Христос, обратившись, сказал затем Петру: «отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое». Под «сатаной» разумеется противник. «Отойди от Меня», то есть не противостой, но следуй Моему хотению. Он говорит: ты по человеческому соображению думаешь, что страдание неприлично для Меня. Но ты не понимаешь того, что Бог через это совершает спасение и что это более всего приличествует Мне. Петру Христос сказал: «И ты соблазнишься обо Мне». Лужин со своим общим счастьем и камнем в перстне земной власти — дважды враг Христов: он не допускает страданий и он творит ложный суд.

На Литургии совершается бескровная, т.е. совершенная жертва в отличие от кровавой. Это великая тайна, и Достоевский не может и не хочет говорить об этом, потому что он не просто писатель, он — и пророк, а пророки всегда говорили несколько прикровенно. Одна только фраза о таинстве и в эпилоге — «На Второй неделе великого поста пришла ему очередь говеть вместе с своей казармой. Он ходил в церковь молиться вместе с другими» (6; 419). Все просто. Сравним с текстом Библии, где также все просто: «Авраам встал <…> и пошел» (Быт. 22: 3). Даже в истории Страстей, где евангелист, казалось бы, побуждается высказаться и выразить личную точку зрения, он тем не менее остается лично в тени. Он ничего не говорит о своем горе и потрясении. Он даже о горе и потрясении Богоматери не говорит (об этом будет много говориться в богослужебных текстах). Достоевский в этом смысле тоже не отступает от переданного ему Фонвизиной образца и также предельно лаконичен, когда пишет о таинствах. Слово «покаяние» в романе упоминается один раз, и то в связи с «публичными покаяниями» (6; 202) после того, как Раскольников свидетельствует перед Порфирием Петровичем о своей вере в Новый Иерусалим, Бога и воскрешение Лазаря. Покаяние — это Таинство, одно из семи, без которого невозможно Причастие.

Итак, на второй неделе поста герой говеет. В «Записках из Мертвого дома» Горянчиков вспоминает, что причащались за ранней обедней. Ранняя может быть только в воскресение, маловероятно, чтобы в прочие дни в остроге служились две литургии. Так вот, в воскресение в период Великого поста служится Литургия Василия Великого. Вторая неделя Великого поста посвящена памяти святителя Григория Паламы. Говоря о литургических темах первых недель Великого поста, нужно сказать, что установление памяти этого святителя является самым поздним по своему возникновению из всех недель Великого поста. Она установлена в 1376 г., конечно, по аналогии с литургической темой первой недели Великого поста. Первая неделя — Торжество Православия, в память о 7-м Вселенском соборе, утвердившем догмат иконопочитания. В конце службы этой недели звучит анафематствование иконоборцев. Анафематствование же непочитающих Богородицу усилено именно в службе Казанской, с непочитания которой Раскольниковым начинается роман: «Якоже божественнии отцы рекоша. И аще кто не чтит Пресвятыя Богородицы, и не поклоняется иконе Ея, анафема да будет: посрамляет бо и погубляет не чтущия Ю»[15]. Звучит анафематствование и в романе: «Ты безбожник! Ты в Бога не веруешь! — кричали ему. — Убить тебя надо» (6; 419). Каторжники же не терпят нарушения единомыслия. И, кроме того, особенно в этот день Торжества Православия возносится благодарение Богу за установление единомыслия: «Благословен еси, Господи, единомыслие наше устроивый...». Вспомним литургийный возглас: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы». Как перед совершением самого главного Таинства является единство веры, так и в начале Великого поста установлено такое воспоминание, в котором верующие должны установление этого единства как-то особенно пережить, вспомнить и особенно праздновать; ведь за него пострадал сам Господь и столько святых людей.

В «Записках из Мертвого дома»: «Великопостная служба, так знакомая еще с далекого детства, в родительском доме, торжественные молитвы, земные поклоны — все это расшевеливало в душе моей далекое-далекое минувшее, напоминало впечатления еще детских лет, и, помню, мне очень приятно было, когда, бывало, утром, по подмерзшей за ночь земле, нас водили под конвоем с заряженными ружьями в Божий дом» (4; 176). Говеть — значит

готовить себя к причастию Телу и Крови Христа. Характерно, что на второй неделе поста. Синаксарь недели Григория Паламы излагает сложную и драматическую историю жизни святителя и его борьбы с еретиками, насаждавшими учение, противное Церкви. Не будем здесь излагать историю этих споров и суть учения свт. Григория; вспомним только, какое значение для этих споров имеет учение о Фаворском свете. В богослужебных текстах не раз появляются эти образы света и даже стихи на этот день, составленные Никифором Ксанфопулом, особенно обыгрывают это слово: «Света светлаго проповедника ныне воистинну велия, Источник Света к незаходимому водит Свету». Постоянно говорится о свете. А сам свт. Григорий именуется так: «Сей Божественнаго и невечерняго Света сын». Противник же его — Варлаам — со свойственной богослужебным текстам эмоциональностью называется «зверем»: «Италийский бо зверь, калабрийский Варлаам...» — так о нем сказано в Синаксаре[16]. В эпилоге сначала в апокалипсических грезах Раскольникова люди «бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга» (6; 420), а потом перед героем романа — «облитая солнцем необозримая степь» (6; 421), и в его и Сониных лицах «сияла заря обновленного будущего» (там же). Вспомним еще о ее глазах: «голубые глаза, могущие сверкать таким огнем, таким суровым энергическим чувством» (6; 248). Сравним с глазами Раскольникова: «какая-то дикая энергия заблистала вдруг в его воспаленных глазах» (6; 120).

Соня несет весть о Христе всем, она — матушка. Каторжники обращаются к ней, как обращались бы к жене священнослужителя или к старице. Соня не является ни той, ни другой, она несет особое служение — пророчицы. О чем может пророчествовать христианка узникам? О Воскресении Христа и их воскрешении. Таким образом Соня — мироносица. В Евангелии от Марка (глава 14: 3) рассказывается о женщине, пришедшей в дом Симона с алебастровым сосудом мира. Алебастр-алавастр отличен от камня, еще больше от кирпича. Годен к хорошей полировке, название свое получил от алебастровой горы и города Алебастрон в Фивах, в Египте (ныне гора св. Антония). Египетские дрогисты доселе пользуются алебастровыми сосудами для хранения лекарств и благовоний. Древние употребляли алебастр для разных изделий; из него выделывались вазы, урны, бутыли и др. Алебастровые сосуды употребляли чаще всего для хранения духов, благовоний.

Их хранили в алебастровых бутылках с длинным и узким горлышком, крепко их закупоривая. Выражение «разбивши сосуд» (алебастровый) означает, по-видимому, только то, что женщина, пришедшая в дом Симонов с алебастровым сосудом мира драгоценного, который возлила на голову Спасителя, открыла, или распечатала его. Так как миро, содержавшееся в подобных сосудах, иногда было слишком дорого, то подобные сосуды не откупоривались, но должны были испускать благоухание чрез пористые стенки. И быть может, именно поэтому и был сделан упрек женщине, которая, в благоговейной любви к Господу, открыла, или распечатала свой алебастровый сосуд, и мгновенно возлила на голову Его всю драгоценную жидкость, благоухания которого хватило бы на многие годы.

«А по-моему, так вы, со всеми вашими достоинствами, не стоите мизинца этой несчастной девушки, в которую вы камень бросаете.

— Стало быть, вы решились бы и ввести ее в общество вашей матери и сестры?

— Я это уж и сделал, если вам хочется знать. Я посадил ее сегодня рядом с маменькой и с Дуней» (6; 232).

Итак, Соня — мироносица. Причастник же Божеского естества Родион приравнивается по литургическому богословию к апостолам на Тайной вечере (он и назван именем одного из 70-ти апостолов, который, таким образом, является его небесным покровителем). В пасхальные дни в храмах поется: «Мироносицам вещавый: радуйтеся и апостолом мир даруяй, падшим подаяй воскресение».

Для св. Василия Великого Бог, прежде чем послать Сына Своего к людям — уже простил нам грехи, ибо «главное в спасительном домостроительстве по плоти — привести человеческое естество в единение с самим собой и со Спасителем и, истребив лукавое рассечение, восстановить изначальное единство, подобно тому, как наилучший врач целительными средствами связывает тело, расторгнутое на многие части»[17]. Как же восстанавливается единство? Уже отмечалась разница между кирпичом и камнем. Кирпич может быть расколот. Не разбит, не разломлен. А вот разломлен может быть хлеб. Хлеб предложения, хлеб Евхаристии, который преломляет Христос. Евангельское преломление хлеба (т.е. преломления Христом самого себя: «Я есмь хлеб, сшедший с не-

бес» — Иоанн 6: 41) — знак единения, единства в истине, любви и самопожертвовании. Христово преломление есть слияние в акте абсолютного синтеза «друг для друга» «крайних противоположностей» — цельности и разъединенности, богочеловечности и человекобожия, идеала и реальности и т.д. При этом отказ от Я становится условием обретения абсолютного Я, страдание — необходимой предпосылкой счастья, а «расчленение» себя — единственным путем к сохранению полноты собственного бытия, вручаемого «целиком всем и каждому». Структура такой сущности заключается в том, чтобы в делении и расчлененности самой себя самоутверждаться в качестве высшего единства. Причем это сущностное единство — не абстракция, а живой опыт религиозной личности. Бог, по мысли Достоевского, — «полный синтез всего бытия», противостоит человеку, идущему «от многоразличия к Синтезу, от фактов к обобщению их и познанию» (20; 174). И человек, покупающий счастье «всегда страданием», свое «жизненное знание и сознание» приобретает «опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себе» (7; 155). Христос в самом преломлении (т.е. символическом и буквальном расчленении на части) осуществляет единство всего сущего. Герой же Достоевского, ломая, раскалывая, не просто разрушает это единство, но страдает в поисках единства на пути к идеалу Христа. Перипетия романа «Преступление и наказание» как литургической эпопеи — в переходе от ухода к возвращению. От заклада часов — к осознанию того, что не прошли времена Авраама как отца всех верующих. «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3: 9).

Литургия зовет человека к вечности, преображению, радости. А значит, ничто в ней не может быть просто статично и просто «нейтрально». Литургия пронизана предчувствием грядущего и все в ней должно соответствовать ее эсхатологическому напряжению: жесты, слова, музыка, иконы. Икона онтологична, потому, что инициирует онтологическое движение. Что видит человек в иконе? Преображение как свое конечное призвание. Конечное призвание любого тварного бытия — это уподобление нетварному логосу, тому замыслу Бога о нем, который Творец имеет в Себе извечно. Т.А. Касаткина на упомянутом старорусском семинаре приводила стих из Откровения о белом камне (Откр. 4:3). Необходимо сказать, что по одной из трактовок — в Библейской энцик-

лопедии архимандрита Никифора 1891 г. — этот белый камень является указанием на золотую дщицу на челе первосвященника с начертанием на оной имени λόγος[18]. Так вот, икона — явленный логос. «Логосы сущих, уготованные в Боге прежде веков, Ему единому ведомо как, будучи невидимы (обычно у божественных учителей называть их благими волениями), ясно зримы и постигаемы через тварные предметы. Поскольку все вещи, сотворенные Богом в природе, когда они рассматриваются с должным знанием, таинственно обнаруживают логосы, через которые они начали быть, и так себя раскрывая, являют тут же божественный о них замысел» (преп. Максим Исповедник)[19]. Не икона движется к первообразу, а наша мысль. Икона вызывает в нас память о логосе, являет нам логос человека. На самом деле единственная подлинная икона Божества — это человек. Все же остальное напоминает нам об иконности нашего собственного бытия и о том, что эта иконность телеологична. Икона призывает человека к высшему, теургическому творчеству, в ходе которого, по слову преп. Максима Исповедника, «**благодать Св. Духа всякого из присутствующих переделывает, преобразует и подлинно наново изваивает в богоподобном образе**»[20].

Переделывает — преобразует. Роман «Преступление и наказание» заканчивается на второй неделе после Святой. Неделя 2-я по Пасхе — Фомина неделя, на службе читается из Евангелия о неверии Фомы, а в текстах службы это неверие именуется благим. Следующая неделя — жен-мироносиц. Соня и есть мироносица, потому что первой увидела воскресение и возвестила о нем. В Синаксаре: «Надлежало тому полу, который первый пал в грех и подвергся наследственному проклятию, ему же первому узреть и воскресение». Неверие убийцы и благая весть в устах блудницы соединили их на этой второй после Пасхи неделе гораздо крепче, чем чтение Евангелия в комнате дома Капернаумова. «В глазах ее засветилось бесконечное счастье <...> сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» (6; 421). И дальше: «все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе <...> так и должно было быть: разве не должно теперь все измениться?» (6; 422). Случилось не просто чудо воскрешения, совпали первое и последнее из чудес Христа, явившегося сначала Мармеладову, затем все сделавшего для Сони. И теперь — чудо претворения в Раскольникове. Дело в том, что в понедельник вто-

рой недели по Пасхе на Литургии читается именно начало второй главы Евангелия от Иоанна: «На третий день был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там...» и до слов: «Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его». В толковании на чудо в Кане блаженный Феофилакт пишет: «Какое чудо совершает Господь при таком браке и при таком соединении Бога с душою. Он претворяет воду в вино, наполняет шесть каменных водоносов наших. Под "водой" разумеется наша водянистость: влажность и расслабление в жизни и мнениях; под пятью "водоносами" — пять чувств, которыми ошибаемся мы в делах; под шестым водоносом — разум, которым мы колеблемся в мнениях. Иисус Христос, евангельское Слово, врачуя наши падения, в деятельной ли то жизни, в умственной или созерцательной, жидкое и нетвердое в нас прелагает в "вино", то есть в жизнь и учение, вяжущее и веселящее, и таким образом шесть наших водоносов наполняются прекрасным напитком, — чувства, чтобы не погрешали в деятельности, — разум, чтобы мы не погрешали в мнениях»[21].

Когда мы в эпилоге читаем, что «точно не прошли еще времена Авраама и стад его» (6; 421), это означает, что так раздвигаются границы времени и пространства. Сакральность или иконичность текста бесспорна потому, что она литургична. Смысл же литургии в том, чтобы ни один верующий, как бы подл и низок он ни был (а Раскольников поначалу подл в сознании каторжников, желавших убить его за безверие) — не должен извергаться, как не был извергнут причастившийся в последнюю свою минуту Святых Даров Мармеладов и не был извергнут говевший (значит, и причастившийся) со всеми герой романа. «Грешники, которые, Божие сие человеколюбие благодарно принявши, в чувство приходят и каются, и грешить престают и тщатся Богу угодить добрыми делами, — от Бога милость получают, и прощение всех своих злых дел приемлют. Почему и злыя дела их не явятся уже на суде Христовом, яко покаянием заглажденныя; и они Приняты будут с праведными в вечную жизнь, где будет непрестанная радость и веселие»[22]. Радость пребывания в лоне Авраамовом — временном пристанище всех верующих — вот о чем говорит фраза. «Точно не прошли еще времена Авраама» — это означает и то, что все внешнее и внутреннее человека, извлеченного Христом из его подполья, все

связанные и не связанные с ним люди, прошлые, настоящие и будущие, вся почва, да и весь космос — все становится органами человека, взаимно сплетающимися в творческое и действенное литургийное единство.

Евангельская легенда о воскрешении Лазаря в ее глубочайшей разработке — основа романа. Когда Раскольников говорит «вот исход!», он имеет в виду, конечно же, исход из духовного гроба, исход из Египта. В эпилоге «Вместо диалектики наступила жизнь» (6; 422). Это тот Христос, Которого, было, ощутил Раскольников как прихлынувшую полную и могучую жизнь, когда сходил вниз после причастия ставшего благонадежным Мармеладова. Конечно, Христос исцелил Мармеладова, исцелил и Раскольникова, проведшего в больнице весь конец поста и Святую, исцелил и Соню. Он стал камнем, на котором строится их будущая, доселе совершенно неведомая жизнь. («Еще не знаем, что будем», — как писал апостол Павел). На этом камне начинается воздвижение храма их душ, в котором не нужна алтарная преграда, потому что они — «царственное священство», в котором нет уже брака, потому что друг на друга не посягают, и есть Жених. У них стало много братьев и сестер, которых они никогда прежде не видели и не знали, у них есть бессмертный Отец, и они уже не рыдают по поводу того, что «в беззаконии зачат есмь и в гресе роди мя мати моя» (псалом 50). Они в начале своего счастия, потому что причастны Богу, в начале счастья, т.е. как дети, только появившиеся. «Он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал» (6; 422) . Это чувство Бога, которым поделился со своим героем Достоевский и которым делится с нами полтора века, — литургическое чувство.

Примечания

[1] **Захаров В.Н.** Система жанров Достоевского. — Л., 1985. — С. 138.

[2] **Гачева А.Г.** Русский космизм и вопрос об искусстве // Философия русского космизма. — М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. — С. 147.

[3] **Касаткина Т.А.** Литургическая цитата в «Братьях Карамазовых» // Достоевский и мировая культура. — № 22. — М.: Серебряный век, 2007. — С. 17.

[4] **Осокина Е.А.** «Роман» и «служба» как литературная форма. «Братья Карамазовы» Достоевского // Достоевский и современность. Материалы

XIX Международных Старорусских чтений. — Великий Новгород, 2005. — С. 163—164.

[5] **Ковина Е.В.** Некоторые символические значения пространственно-временной составляющей в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. — №15. — СПб.: Серебряный век, 2000. — С.111.

[6] Творения преподобного Максима Исповедника. Книга 1. Богословские и аскетические трактаты. — М.: Мартис, 1993. — С. 184.

[7] **Степанян К.А.** «Сознать и сказать»: «реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. — М.: Раритет, 2005. — С. 18.

[8] **Осокина Е.А.** К вопросу о форме «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского: структура и содержание // сайт автора: lenazar@narod.ru

[9] **Касаткина Т.А.** О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — С. 69.

[10] Празднование Казанской иконе Пресвятой Богородицы — 8/21 июля. 7-м июля датирует начало действия романа Б.Н. Тихомиров (**Тихомиров Б.Н.** «Лазарь! Гряди вон». — СПб.: Серебряный век, 2005. — С. 45, 96). Письмо матери Раскольников читает на следующий день и по прочтении упоминает, что Казанская икона «у мамаши в спальне стоит» 16; 35).

[11] **Касаткина Т.А.** О творящей природе слова. — С. 322.

[12] Считалось, что первое упоминание Достоевского о Тихоне Задонском относится к 1870 г. (9; 138—139). Б.Н. Тихомиров обнаружил в рабочих материалах писателя запись о святителе, относящуюся к 1867 г. Думается, Достоевский знал труды святителя задолго до его канонизации в 1861 г. С 1789 по 1870 книга «Наставление о собственных всякого христианина должностях» (сюда вошли «Краткие нравоучительные слова» и «Наставления христианские») только в одной Московской синодальной типографии была напечатана 42 раза общим тиражом в 119000 экземпляров. Книга рассылалась по всем российским церквям «для чтения народу» и в остроги для чтения арестантам.

[13] **Иоанн Златоуст**. Беседа 24-ая на 1 послание к Коринфянам. X гл. // **Иоанн Златоуст.** Полное собр. соч. в 12 тт. — Т. 10. — М.: Радонеж, 2004. — С. 236—237.

[14] **Св. Тихон Задонский**. Как поступать при исповеди и приобщении св. Таин болящаго // Творения Тихона Задонского. — Репринт. изд. 1889. — Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. — С. 16.

[15] Великий Сборник в трех частях: Часть вторая. Минея праздничная. — Мукачево, 1993. — С. 121.

[16] **Никифор Каллист Ксанфопул**. Синаксари Постной и Цветной триоди. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2008. — С. 43.

[17] **Святой Василий Великий.** Гл. 18 подвижнических уставов // **Святитель Василий Великий**. Том третий // Полное собрание святых Отцов церкви в Русском переводе. — Сибирская благозвонница, 2008. — С. 432.

[18] Библейская энциклопедия. — Труд и издание Архимандрита Никифора. — Репринтное воспроизведение издания 1891 года. — Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1990. — С. 285.

[19] **Творения преподобного Максима Исповедника**: Книга 1. Богословские и аскетические трактаты. — М.: Мартис, 1993. — С. 161.

[20] Там же.

[21] Толкование блаженного Феофилакта Болгарского на Евангелие от Иоанна. — М.: Лепта, 2001. — С. 57.

[22] **Св. Тихон Задонский**. Наставление или образец увещателям // Творения Тихона Задонского. Репринт. изд. 1889. — Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. 1994. — С. .31.